

Nikolai Rimsky-Korsakov
Kashchei the Immortal

В честь 175-летнего юбилея великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова «Фирма Мелодия» впервые представляет на CD замечательную архивную запись оперы «Кашей Бессмертный».

Эта первая студийная запись оперы «Кашей Бессмертный» была осуществлена 70 лет назад (в 1949 году). Главные партии исполнили поистине выдающиеся музыканты: легендарная солистка Всесоюзного радио, концертная певица Наталия Рождественская (мать дирижера Геннадия Рождественского) и Людмила Легостаева, в обширном репертуаре которой особое место занимали партии из опер Римского-Корсакова; один из ведущих солистов «золотой эры» Большого театра Павел Лисициан; обладатель уникального тенорового тембра Павел Понрягин. Запись осуществил симфонический оркестр и хор Всесоюзного радио – коллектив, который в 1940–50-е годы проделал масштабную работу по концертному исполнению и записи редких оперных шедевров русского и зарубежного репертуара. Дирижировал исполнением Самуил Самосуд – в прошлом главный дирижер Большого театра СССР, маэстро, выступавший за пультом крупнейших оперных театров Москвы и Ленинграда.

...Партитура «Кашея»...это целое откровение, кладёшь премудрости, книга, по которой можно и должно учиться.

Юлий Энгель

В канун нового столетия Николай Андреевич Римский-Корсаков, отметивший 35-летний юбилей композиторской деятельности, был занят воплощением разнообразных оперных замыслов. Заканчивая «Сервилию» на сюжет из первых веков христианства, композитор одновременно обдумывал «Навкаию» (по «Одиссее» Гомера) и «Сказание о невидимом граде Китеже», работал над планом «польской» оперы («Пан Воевода»). В ноябре 1900 года музыкальный критик Е. М. Петровский предложил Римскому-Корсакову собственное либретто «Иван Королевич». Либретто не удовлетворило автора, но идея оперы на сюжет о Кашее увлекла его; с помощью дочери Софьи композитор сам написал текст. К лету 1902 года партитура одноактной оперы была готова, а в декабре в Московской частной опере состоялась премьера «Кашея бессмертного».

«Это – совершенно особенная “кащевская” музыка, новые контуры, новые краски, новые построения, настоящий “новый стиль”, – писал об опере выдающийся музыкальный критик Ю. Д. Энгель. Но многих, включая близких друзей композитора, удивила эта смелая, изощренная музыкальная новизна. Казалось, консервативно настроенный мэтр русской музыки, хранитель заветов «Могучей кучки» поставил целью перешеголять «модернистов»! Дирижировавший премьерой М. М. Ипполитов-Иванов был уверен: основным стимулом создания «Кашея» было «уязвленное самолюбие» композитора (накануне ряд критиков упрекали его в «отсталости» после премьеры «Царской невесты»).

Опера продолжает линию сказочных корсаковских сюжетов «Снегурочки», «Сказки о царе Салтане», «Садко» с их противопоставлением двух миров –

бытового и «чудесного». Но еще ни разу «чудесное» не представало у него в таком мрачном облике. Более того, если раньше зло появлялось в музыке Римского-Корсакова лишь краткими «островками», то здесь Кашей и его царство – воплощение абсолютного зла, враждебное всему живому – господствует, лишь ненадолго чередуясь с «островками добра». «...*Настроение мрачное и безотрадное, с редкими просветами, а иногда и с зловещими блестками*», – охарактеризовал всю оперу композитор.

В «Осенней сказочке» – авторский подзаголовок указывает на параллель с «весенней сказкой» – «Снегурочкой» на смену весеннему обновлению, радости пробуждения жизни приходит беспросветный мрак серых туч, осенний тлен увядания, пронизывающий холод зимней стужи. Сама идея «бессмертия» оборачивается изнанкой – на «вечную мерзлоту» обречены в этом царстве живые проявления чувств и эмоций. Только так может поддерживать Кашей свою жизнь, противоестественную законам бытия («*Назло всем вечно буду жить!*») – восклицает он за минуту до смерти). И потому так мертвенно звучит его лейтмотив на «искусственной» хроматической гармонии, сковывая могильным холодом вокально-оркестровую ткань партитуры.

Впрочем, зло оборачивается и другим ликом. Римский-Корсаков вводит в оперу героиню, отсутствующую в русской сказке. Кашеевна – дочь бессмертного колдуна, обладательница холодной, бездушной красоты, именно она охраняет его вечный покой. Не в игле, спрятанной в яйце и утке, но в слезе дочери заключил композитор кашееву смерть. В окружении дурманящих цветов встречает она витязей, готовых сразиться с Кашеем: очарованные волшебным зельем, они гибнут от ее меча. Очевидна аналогия с легендарными садами Армиды из средневекового рыцарского эпоса, которые превратились на русской почве в сады Наины («*Руслан и Людмила*» Глинки); нетрудно усмотреть сходство героини и с роковой соблазнительницей Кундри из вагнеровского

«Парсифаля». Но еще более созвучна чарующая «магия зла» Кашеевны наступившей эпохе модерна.

Не только Кашей и его дочь, но каждый персонаж оперы раскрывается как символ. Царевна Ненаглядная Краса – олицетворение живой силы любви; не сломленная Кашеем, она твердо верит в своего избавителя. Интересную музыкально-драматургическую трактовку получает образ Бури-Богатыря – символ мощи природной стихии, плененной Кашеем. Он ждет своего часа, чтобы, оказавшись на воле, примчать Ивана Королевича к Царевне и, разогнав тучи, открыть ворота мертвого царства.

В Санкт-Петербурге «Кашей бессмертный» впервые прозвучал в самый разгар революционных событий 1905 года. Увольнение Римского-Корсакова, поддержавшего требования студентов, с поста директора консерватории вызвало бурю возмущения не только в консерваторской среде, но и в широких слоях русского общества. Под руководством А. К. Глазунова студенты подготовили постановку оперы. Спектакль в честь композитора вылился в политическую манифестацию, прерванную вмешательством полиции.

На этом фоне символизм оперы читался как наглядное пророчество. Кашеево царство воспринималось отражением русского самодержавия, обреченного на скорую гибель; в самой фигуре Кашея видели аналогию с обер-прокурором синода, «серым кардиналом» России К. П. Победоносцевым, которому приписывают фразу: «...Продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет».

Убежденный демократ, уверенный в необходимости критики любой власти, Римский-Корсаков мыслит Кашеево царство как «кривое зеркало» идеального, истинно вечно живого царства берендеев в «Снегурочке». Но стоит ли ограничивать смысл оперы политическим памфлетом? Обратим внимание

на необычность развязки. Не от руки могучего витязя гибнет Кашей – любовь к Королевичу и сострадание Царевны растопило холодное сердце его дочери (сцена превращения Кашеевны в плачущую иву – еще одно напоминание о «Снегурочке»). Не насилие, но живое чувство восстанавливает нарушенное равновесие сил природы.

На месте царства Кашея расстилается залитая солнцем цветочная поляна. Но краткость финального апофеоза оставляет двойственное чувство – слишком мал этот «островок света», чтобы развеять господствующее «*мрачное и безотрадное настроение*». Едва ли стоит видеть в этом драматургический просчет композитора, который до мельчайших деталей продумывал сюжетную, тематическую и тонально-гармоническую логику своих творений.

Судьба русской музыки – вот что, прежде всего, волновало Римского-Корсакова на заре XX века. Когда-то он сам смело шагнул под знамена «*Новой русской школы*» М. А. Балакирева; но теперь опасался, что сладкий яд «модернизма» погубит новые ростки. «*Какой ужасный вред нанес Вагнер тем, что его гениальные страницы испещрены всякими гармоническими и модуляционными безобразиями, к которым мало-помалу привыкают стар и мал и которые... мало-помалу уложат в гроб музыкальное искусство*», – писал композитор в период работы над «Кашеем»; при этом он сам указывает на применение системы лейтмотивов (впрочем, весьма индивидуальное) и вагнеровского принципа сквозной драматургии в новой опере.

Закончив «Кашея бессмертного», композитор с радостью окунулся в лирико-романтический сюжет «Пана Воеводы», в эпическую атмосферу «Китежа». Он будто с облегчением расстался с мрачным холодом Кашеева царства. Но спустя пять лет «цветы зла» вновь дадут пышные всходы в последнем шедевре композитора – в загадочно-демоническом облике Шемаханской царицы; однако она не прольет не единой слезинки.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Первая картина

Кашеево царство. Небо затянуто черными тучами. Тоскует и томится в плену Царевна Ненаглядная Краса. Дождется ли она своего избавителя Ивана Королевича?

Кашей любит ее горячими слезами. Вняв мольбе Царевны, он дает ей волшебное зеркальце, чтобы та последний раз увидела жениха. Она видит красавицу, затем Ивана Королевича. Кашей тоже глядит в зеркальце, но его пугает увиденное – в ужасе он роняет и разбивает его.

Кашей надежно спрятал свою смерть. Она в слезе его дочери, холодной и бессердечной красавицы Кашеевны. Лишь через ее царство лежит дорога к Кашею; она обольщает своими чарами витязей, ищущих смерти Кашея, и губит их. Но от нее давно нет известий. Кашей выпускает из темницы пленного Бурю-Богатыря, чтобы послать его к Кашеевне. Царевна передает Богатырю свою слезную жалобу.

Кашей зовет Царевну в терем, но она отказывается идти. В ярости он насылает на свое царство метель и вьюгу.

Вторая картина

Тридцатое царство Кашеевны. В ее садах пышно цветут ярко-красные маки и бледно-лиловая белена. Кашеевна готовит волшебное зелье и точит свой меч – Ивана Королевича ожидает та же участь, что и остальных искателей кашеевой смерти.

Появляется Королевич, Кашеевна ласково обращается к нему. Не в силах противостоять ее чарам, он выпивает кубок с волшебным напитком, забывает о Царевне и в сладостной истоме засыпает в объятиях Кашеевны. Та заносит над ним свой меч, но замирает в сомнении – впервые дрогнула ее рука.

Внезапно в сад врывается Буря-Богатырь. Он развеивает любовный дурман; очнувшись от сна, Иван Королевич слышит в речах Бури-Богатыря плач своей

Царевны. Вместе с Богатырем он мчится к воротам Кашеева царства, вслед за ним устремляется Кашеевна.

Третья картина

Кашеево царство. Кашей спит в тереме, Царевна поет ему зловещую колыбельную:

*Спи, усни, да не проснись,
Злая смерть тебе приснись...*

Буря-Богатырь приносит в Кашеево царство Ивана Королевича. Радостная встреча жениха и невесты. Иван Королевич обнажает меч – ему не страшен Кашей.

Но путь влюбленным преграждает Кашеевна. Неведомое прежде чувство охватило ее душу, она любит Королевича и умоляет его остаться с ней, обещая освободить Царевну. Движимая состраданием, Царевна обнимает и целует Кашеевну. Поцелуй растопил ее холодное сердце.

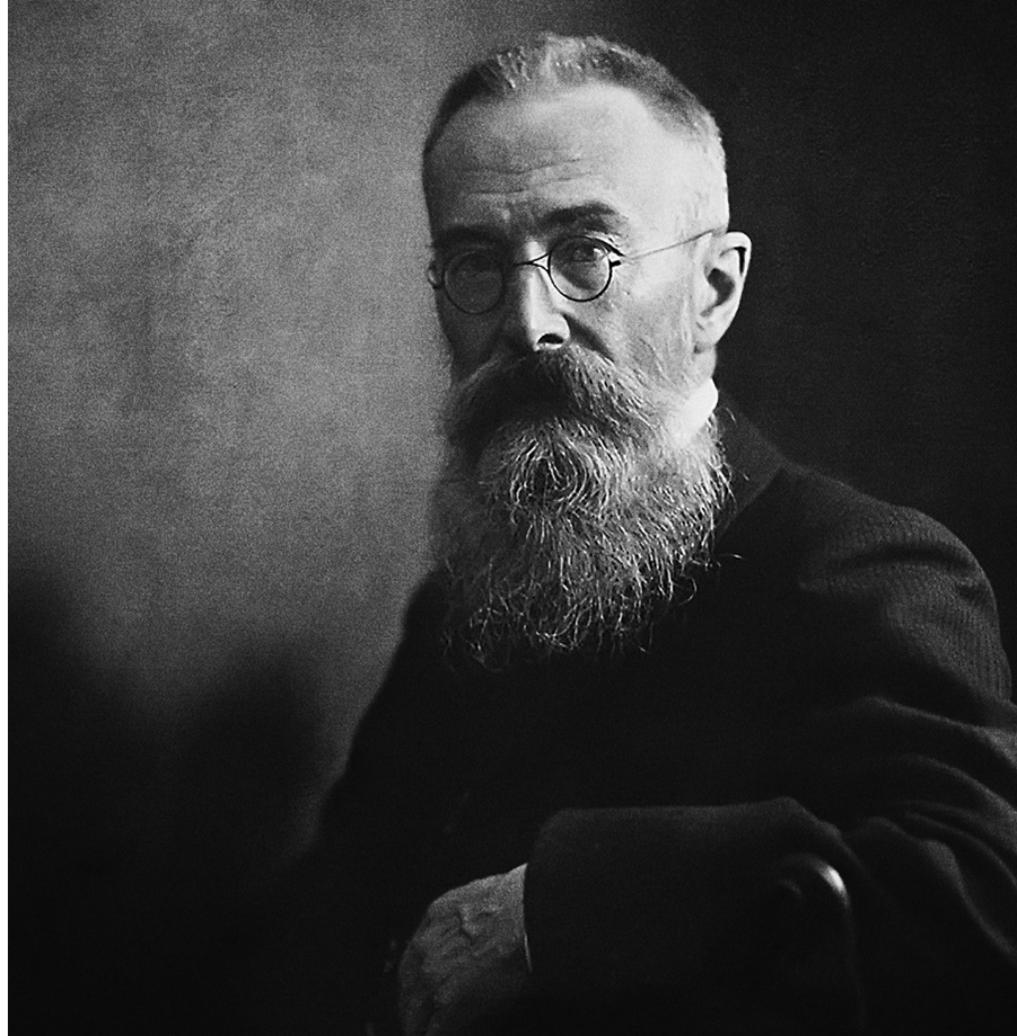
*Как сладко мне и больно стало!
Мои глаза впервые плачут...
И как роса цветок душистый,
мне слезы сердце освежают...
Прощай! Любить я буду вечно,
и вечно плакать буду я...*

Кашеевна превращается в плакучую иву. Смерть пришла Кашею и его царству. Буря-Богатырь распахивает ворота Царевне и Ивану Королевичу. В голубом небе светит солнце, освещая цветущую поляну. Невидимый хор поет:

О, красное солнце, свобода, весна и любовь!

Firma *Melodiya* for the first time presents unique recording of the opera *Kashchei the Immortal* on CD on the occasion of the 175th anniversary of great Russian composer Nikolai Andreyevich Rimsky-Korsakov.

The first studio recording of the opera *Kashchei the Immortal* was made 70 years ago, in 1949. In that time the main parts were performed by outstanding Russian musicians: a legendary soloist of All-Union Radio and concert singer Natalia Rozhdestvenskaya (mother of the conductor Gennady Rozhdestvensky) and Lyudmila Legostayeva (the roles from operas by Rimsky-Korsakov occupied an important place in her extensive repertoire); one of the leading soloists of «gold era» of the Bolshoi Theatre Pavel Lisitsian, and owner of a unique timbre, tenor Pavel Pontryagin. This recording was made by Moscow Radio Symphony Orchestra and Choir of All-Union Radio – in the 1940–50th years this orchestra and choir made large-scale work on performing of concert versions and recording of rare opera masterpieces of the Russian and foreign composers. This recording was made under Samuil Samosud as a conductor – in the past he was the chief conductor of the Bolshoi Theatre of the USSR and many times appeared in the largest opera theatres of Moscow and Leningrad.

...The *Kashchei* score is ... a whole lot of revelation, a fount of wisdom, a book you can and must learn from.

Yuli Engel

On the eve of the new century, Nikolai Andreyevich Rimsky-Korsakov, who had celebrated the 35th anniversary of his composing career, was busy realizing a number of operatic concepts. While the composer was finishing *Servilia* based on a story dating back to the first centuries of Christianity, he simultaneously thought over *Nausicaa* (based on Homer's *Odyssey*) and *The Legend of the Invisible City of Kitezh* and also worked out the plan of a "Polish" opera (*Pan Voyevoda*). In November 1900, music critic Evgeny Petrovsky offered Rimsky-Korsakov his own libretto named *Ivan Korolevich*. The libretto did not satisfy the composer, but the idea of an opera about Kashchei captivated him. With the help of his daughter Sofia the composer wrote the text himself. By the summer of 1902, the score of the one-act opera was ready, and *Kashchei the Immortal* was premiered at the Moscow Private Opera in December.

"This is a very special "*Kashchei*" music with new outlines, new structures and a truly "new style", wrote the outstanding music critic Yuli Engel about the opera. However, that bold and sophisticated musical novelty came as a surprise to many people, including the composer's close friends. It seemed that the conservative master of Russian music, the keeper of *The Five's precepts*, had set himself the goal of outdoing the "modernists". Mikhail Ippolitov-Ivanov, who conducted the premier, was confident: the composer's "injured vanity" triggered the creation of *Kashchei* (not long before that, some critics reproached him for "backwardness" after the premiere of *The Tsar's Bride*).

The opera continued the series of Korsakov's fairy-tale plots – *The Snow Maiden*, *The Tale of Tsar Saltan* and *Sadko* with their two opposing worlds, the everyday

one and the miraculous one. However, that was the first time when the miraculous appeared in such a gloomy form. Previously, evil emerged in Rimsky-Korsakov's music only as "islets", but here Kashchei and his kingdom are the epitome of absolute evil. Hostility to all living things reigns, and the "islets" of good are very brief. "... *The mood is gloomy and dismal, with rare gleams of hope, and sometimes with ominous sparkles*"; the composer described his opera.

The "*little autumnal fairy tale*", as the composer subtitled the opera, draws a clear parallel between itself and the "spring fairy tale" of *The Snow Maiden*. Springtime renewal and joy of the awakening life give place to bleak darkness of grey clouds, autumnal decay of withering and piercing cold of winter winds. The very idea of "immortality" shows its seamy side – the vivid manifestation of feelings and emotions are doomed to "permafrost" in this kingdom. This is the only way Kashchei can maintain his life that contradicts the laws of being ("*I will live forever to spite everyone*", he exclaims a minute before his dies). That is why his leitmotif on an "artificial" chromatic harmony sounds so deadly, shackling the vocal and orchestral pattern of the score with deadly cold.

However, evil shows its other face as well. Rimsky-Korsakov introduces Kashcheyevna, a heroine who is not found in the Russian fairy tale. She is a daughter of the immortal sorcerer and an owner of a cold, heartless beauty. She is the one who protects Kashchei's eternal rest. The composer chose to hide Kashchei's death in his daughter's tear not in a needle hidden in an egg and a duck. Surrounded by intoxicating flowers, she meets the knights who are ready to fight Kashchei: enchanted by her magic potion, they die by her sword – Armida's legendary gardens from the Renaissance epic or Naina's gardens from Glinka's *Ruslan and Lyudmila* come to mind. It is also not difficult to discern the similarity of the heroine with the fatal seductress Kundry from Wagner's *Parsifal*. But Kashcheyevna's enchanting "*magic of evil*" is even more consonant with the age of modernism.

Not only Kashchei and his daughter, but each character of the opera is shown as a symbol. The Tsarevna (Princess) Beloved Beauty personifies a living force of love; not disheartened by Kashchei, she firmly believes in her deliverer, the Burya-Bogatyr (Storm Knight), who is interpreted in a peculiar way both musically and dramatically. He is a symbol of the force of nature captivated by Kashchei. He waits in the wings to break free, bring Prince Ivan Korolevich to the Tsarevna, drive away the clouds and open the gates of the dead kingdom.

Kashchei the Immortal was premiered in St. Petersburg at the height of the revolutionary events of 1905. The dismissal of Rimsky-Korsakov, who supported the students' demands, from the post of conservatory director caused a storm of indignation not only in the conservative circles, but also among various strata of Russian society. Under the guidance of Alexander Glazunov, the students prepared the production of the opera. The performance in honor of the composer resulted in a political manifestation interrupted by police intervention.

In this context, the symbolism of the opera was seen as a visual prophecy. Kashchei's kingdom was perceived as a reflection of the Russian autocracy, which was doomed to impending downfall; the character of Kashchei was viewed as an equivalent to Konstantin Pobedonostsev, chief procurator of the synod and the notorious "grey cardinal" of Russia, who is credited with the words: "...*The extension of the existing system depends on the ability to maintain the country in a frozen state. One slightest warm breath of spring, and everything will collapse*".

Rimsky-Korsakov, a strong democrat who was convinced of the need for criticism of any government, sees Kashchei's kingdom as a "distorting mirror" of the ideal and eternally living kingdom of Berendeys shown in *The Snow Maiden*. But is it really worth limiting the meaning of the opera to a political pamphlet? Let us pay attention to the unusual outcome. Kashchei does not die by the mighty knight's hand – his daughter's love for Korolevich and compassion of the Tsarevna melted

her cold heart (the scene of Kashcheyevna's transformation into a weeping willow is another reminder of *The Snow Maiden*). It is not violence but a living feeling that restores the imbalance of nature.

A sunlit wildflower meadow spreads where Kashchei's realm used to be. But the brevity of the concluding apotheosis leaves an ambivalent feeling – this "islet of light" is too small to dispel the dominant "gloomy and dismal mood". We do not really have to see it as the composer's dramaturgical miscalculation as he normally elaborated the logic of the plots, themes, tones and harmonies of his creations to the last detail.

The fate of Russian music was Rimsky-Korsakov's first and foremost concern at the dawn of the twentieth century. Once he boldly joined the colours of Mily Balakirev's "*New Russian School*", but now he feared that the sweet poison of "modernism" would destroy the new sprouts. "*What a terrible harm Wagner has caused by the fact that his great pages are speckled with all sorts of harmonic and modulation ugliness, which the old and the young are getting used to little by little, and which ... will be confining the musical art little by little*", the composer wrote when he worked on *Kashchei*. At the same time, he points out the application of the leitmotif system (although quite personalized) and the Wagner principle of cross-cutting drama in new opera.

Having finished *Kashchei the Immortal*, the composer happily plunged into the lyrical and romantic plot of *Pan Voyevoda* and the epic atmosphere of *Kitezh*. He seemed to be relieved to part with the gloomy coldness of Kashchei's kingdom. But five years later, the "flowers of evil" will flourish in the composer's last masterpiece again, in the mysteriously demonic character of the Queen of Shemakha. However, she will shed no tear.

SYNOPSIS

Scene 1

Kashchei's realm. Black clouds hide the sky. The imprisoned Tsarevna Beloved Beauty grieves and languishes. Will she live to see her deliverer Prince Ivan Korolevich?

Kashchei feasts his eyes upon her bitter tears. Having heeded the Tsarevna's supplication, he gives her a magic mirror so that she can see her groom for the last time. She sees a beautiful woman and then Ivan Korolevich. Kashchei looks in the mirror too, but what he sees scares him. Horror-stricken, he drops and breaks the mirror.

Kashchei hid his death securely. It is hidden in a tear of his daughter Kashcheyevna, a cold and heartless beauty. The road to Kashchei lies through her realm; she enchants and kills the knights who seek for Kashchei's death. But Kashchei has not heard from her for a long time. He releases the Burya-Bogatyr (Storm Knight) from prison and sends him to Kashcheyevna. The Tsarevna gives a tearful lament to the Bogatyr.

Kashchei wants to take the Tsarevna to the tower, but she refuses to go. Enraged, he inflicts a blizzard and a snow storm on his kingdom.

Scene 2

Kashcheyevna's remote domain. Bright red poppies and pale purple henbane bloom in her gardens. Kashcheyevna brews a magic potion and sharpens her sword – the fate of those who sought for Kashchei's death now awaits Ivan Korolevich.

Ivan Korolevich appears. Kashcheyevna speaks to him softly. Unable to resist her charms, he drinks the magic potion, forgets about the Tsarevna and falls asleep in Kashcheyevna's arms in sweet exhaustion. She raises her sword over him, but freezes in doubt – her hand falters for the first time.

The Burya-Bogatyr suddenly bursts into the garden. He dispels the intoxication of love. Having woken from his sleep, Ivan Korolevich hears the lament of his

Tsarevna in the Burya-Bogatyr's words. Together with the Bogatyr, he rushes to the gates of Kashchei's realm. Kashcheyevna follows him.

Scene 3

Kashchei's realm. Kashchei is asleep in the tower. The Tsarevna sings an ominous lullaby:

*Sleep, fall asleep, and never wake,
Dream of evil death today...*

The Burya-Bogatyr brings Ivan Korolevich to Kashchei's kingdom. A joyful meeting of the bride and the groom. Ivan Korolevich draws his sword – he is not afraid of Kashchei.

But Kashcheyevna bars the loving couple's way. The previously unknown feeling enveloped her heart. She is in love with Ivan Korolevich and begs him to stay with her, promising to release the Tsarevna. Driven by compassion, the Tsarevna hugs and kisses Kashcheyevna. The kiss melts her cold heart.

*It tastes so sweet, but how it hurts!
My eyes are crying for the first time...
My tears refresh my heart
Just like the morning dew refreshes a flower,
Farewell! I'll be in love forever,
And I will cry forever...*

Kashcheyevna turns into a weeping willow. This is the end of Kashchei and his kingdom. The Burya-Bogatyr opens wide the gates in front of the Tsarevna and Ivan Korolevich. The sun shines in the blue sky illuminating a blooming meadow. The invisible choir sings:

Oh, the red sun, freedom, spring and love!

Николай Римский-Корсаков

«Кашей Бессмертный», «осенняя сказочка»

Опера в одном действии

Либретто Н. Римского-Корсакова

Картина 1

- 1 «Дни без просвета, бессонные ночи» (Царевна и Кашей) 9.22
2 «Я вижу деву красоты чудесной» (Царевна и Кашей). 2.12
3 «Гой! Ты, чародей-лежебока!» (Буря-Богатырь, Царевна, Кашей) 4.35
4 «Природы постигнута тайна». Ариозо Кашея 5.07
5 «Вьюга белая, метель». Сцена снежной метели (хор, Царевна) 7.58

Картина 2

- 6 «Настала ночь, затихнул ветерок». Сцена, ариозо и песня Кашеевны 7.06
7 «Глухая ночь, дороги дальше нет». Сцена и ариетта Ивана-Королевича 3.16
8 «Добро пожаловать, желанный гость» (Кашеевна и Иван-Королевич) 3.36
9 «На ладье золотой, в море сладостных грёз». Дуэт Кашеевны и Ивана-Королевича. 4.12
10 «В дуги сгибаая толстые сучья» (Кашеевна, Иван-Королевич и Буря-Богатырь) . . . 4.43

Картина 3

- 11 «Баю, бай, Кашей седой». Злая колыбельная Царевны 4.17
12 «Мерещится?». Дуэт Царевны и Ивана-Королевича. 3.29
13 «Остановись, мой витязь» (Кашеевна, Царевна, Иван-Королевич, Кашей) 4.58
14 «Прости, любимый королевич» (Кашеевна, Царевна, Иван-Королевич, Кашей) . . 4.15
15 «Конец злomu царству» (Буря-Богатырь, Царевна, Иван-Королевич, хор). 2.19

Общее время: 71.34

Кашей Бессмертный – Павел Понтрягин, *тенор*
Царевна Ненаглядная Краса – Наталия Рождественская, *сопрано*
Иван-Королевич – Павел Лисициан, *баритон*
Кашеевна – Людмила Легостаева, *меццо-сопрано*
Буря-Богатырь – Константин Поляев, *бас*

Оркестр и хор Всесоюзного радио
Дирижер – Самуил Самосуд

Запись 1949 г.
Реставрация – Тамара Павлова
Ремастеринг – Надежда Радугина

Nikolai Rimsky-Korsakov

Kashchei the Immortal, autumn tale

The opera in one act

Libretto by N. Rimsky-Korsakov

Scene 1

- 1 *Days without gleam, sleepless nights* (Tsarevna Beloved Beauty and Kashchei) 9.22
2 *I see the maiden of beauty wonderful* (Tsarevna Beloved Beauty and Kashchei) 2.12
3 *Goy! You, magician-sluggard!*
(Burya-Bogatyr, Tsarevna Beloved Beauty and Kashchei) 4.35
4 *The secret of nature is comprehended*. Arioso by Kashchei. 5.07
5 *White blizzard, snowstorm*. Scene of a snowstorm
(chorus, Tsarevna Beloved Beauty) 7.58

Scene 2

- 6 *The night falls, and gently wind lulled*. Scene, arioso and song by Kashcheyevna 7.06
7 *The dead of night, there is no road farther*. Scene and arietta by Prince Ivan-Korolevich 3.16
8 *Welcome, my guest!* (Kashcheyevna and Prince Ivan-Korolevich) 3.36
9 *On the golden shallop, in the delightful dream*.
Kashcheyevna and Prince Ivan-Korolevich's duet 4.12
10 *In arc bending thick twigs*
(Kashcheyevna, Prince Ivan-Korolevich and Burya-Bogatyr) 4.43

Scene 3

- 11 *Bai, Bai, Kashchei gray-haired*. Lullaby of the Tsarevna Beloved Beauty 4.17
12 *It seems?* Tsarevna Beloved Beauty and Prince Ivan-Korolevich's duet 3.29
13 *Stop, my hero*
(Kashcheyevna, Tsarevna Beloved Beauty, Prince Ivan-Korolevich, Kashchei). 4.58
14 *Farewell, the favourite Prince*
(Kashcheyevna, Tsarevna Beloved Beauty, Prince Ivan-Korolevich, Kashchei) 4.15
15 *End of evil Tsardom*
(Burya-Bogatyr, Tsarevna Beloved Beauty, Prince Ivan-Korolevich, chorus) 2.19

Total time: 71.34

Kashchei the Immortal – Pavel Pontryagin, *tenor*
Tsarevna Beloved Beauty – Natalia Rozhdestvenskaya, *soprano*
Prince Ivan-Korolevich – Pavel Lisitsian, *baritone*
Kashcheyevna – Lyudmila Legostayeva, *mezzo-soprano*
Burya-Bogatyr – Konstantin Polyayev, *bass*

Moscow Radio Symphony Orchestra
All-Union Radio Choir
Conductor Samuil Samosud

Recorded in 1949.
Restored by Tamara Pavlova
Remastering – Nadezhda Radugina

Руководители проекта: Андрей Кричевский, Карина Абрамян
Выпускающий редактор – Наталья Сторчак
Дизайн – Ильдар Крюков
Перевод – Николай Кузнецов

Project supervisor – Andrey Krichevskiy
Label manager – Karina Abramyan
Release editor – Natalia Storchak
Design – Ildar Kryukov
Translation – Nikolai Kuznetsov

